

Житие преподобного Мартиниана Белозерского

реподобный отец наш Мартиниан родился от благочестивых родителей и при крещении получил имя Михаил. Вырос мальчик благоговейным и чис-

тым, разумным и послушным своим родителям. Когда пришло время учиться грамоте, не оказалось никого, кто бы мог его обучать. Совсем маленьким родственники привели его к Кириллу Белозерскому. Мальчик стоял, глядя на святого как на ангела, рассматривающего его, и не знал, что сказать, только с умилением припал к ногам Кирилла и стал просить: «Возьми меня, господин, к себе». Блаженный же, видя мальчика, с умилением стоящего, смилостивился и пожалел его как добрый отец. Почувствовала благородство душа его, и он принял отрока как Богом ему данного.

В те времена жил близ обители святого человек по имени Олеш Павлов, дьяк монастырский¹. Он переписывал книги и учил детей грамоте. И делал он это очень искусно. Кирилл позвал его и попросил: «Друг, сделай по-божески: научи этого отрока грамоте. И прошу тебя перед Богом: храни его как зеницу ока от всякой грязи». Тот, с благословением взяв мальчика, стал усердно его обучать и вскоре с Божией помощью научил его грамоте.

Михаил выучился хорошо и так быстро, что все удивлялись: «Как во сне прошла учеба молитвами святого». Учитель привел мальчика и передал в руки преподобного. Святой взял отрока и благословил обоих. Когда Михаил был еще маленьким, Кирилл наблюдал за ним и размышлял, какое бы дать ему испытание. И велел святой учиться мальчику книгам. Осторожно расспросив о Михаиле (ведь мальчик пришел к Кириллу не из дальних стран, а из ближних владений святого, называемых Сяма), видя кротость и смирение, особенную душевную чистоту и незлобие, полюбил его святой и постриг в иноки, дав имя Мартиниан. И сделал его блаженный своим учеником, и ве-

лел жить в своей келье. И стал Мартиниан его любимым учеником.

Видя преподобного отца, Мартиниан возревновал о его праведности и всем умом повиновался ему, с пристрастием наблюдая ангельскую его жизнь, безгневную и мудрую, в молитвах протекающую и трудолюбии. Видя его безмерные труды, даже в такой старости напрягающегося, юноша старался ему подражать. И повиновался он старцу, как ангел Христу, и радовался душою, благодаря Бога, что дал ему Господь Бог в наставники такого святого мужа.

И был пост ему как наслаждение, и нагота как праздничные одежды. И так воздержанием томил он плоть свою, как говорится в Апостоле², плоть изнуряя, душу же просвещая. Молил он и о том святого, чтобы тот установил ему пост суровой обычного. Из-за юности преподобный не разрешил ему, а велел с братией хлеб есть, но не до сытости. Когда блаженный Кирилл проводил службу в своей келии, то ему велел поклоны творить. И это не единожды бывало. А до рассвета давал ему немного сна причаститься, чтобы дать телу отдых.

В соборе же блаженный Мартиниан старался быть на пении самым первым, а уходил после всех. Когда юноше приходили мысли, расхолаживающие его, или одолевала лень, он обо всем со страхом исповедовался старцу, и силою животворящего креста и молитвами святого все бесследно исчезало. И так он служил старцу и охранял его келью, что сам Кирилл с радостью благодарил Бога и Пречистую Богоматерь, говоря братии: «Он хочет быть искусным иноком». Так и случилось святыми его молитвами.

Прожил тот великий подвижник Мартиниан немалое время в послушании беспрекословном и воли своей не имея. Посылал его Кирилл проверить себя в хлебню и в поварню. Он и там стал воздерживаться, сохраняя добрый нрав без укоров совести. Со смирением всех слушал, воду носил, дрова рубил, хлебы братии приносил, от всех принимая молитвы

и благословения, припадая смиренно с просьбой молить о нем Бога и Пречисту Его Богоматерь. А в келью блаженного Кирилла уходил с молитвою и молчанием. И верил святому, словно это был не человек, а ангел Божий. Не то чтобы грубое или глупое слово говорил при нем, но всегда с благоговением уходил и также приходил в келью. Блаженный же Кирилл полюбил его и только ему разрешал жить с ним в келье, пока он еще юн.

Когда Кирилл понял, что на юношу снизошла Божия благодать и он может один жить в келье, то отпустил его с молитвой и благословением на жительство с братией. Блаженный Мартиниан молитвами святого и там жил достойно, соблюдая со страхом все, поведенное ему старцем.

После этого преподобный причислил его к клиру, а вскоре поставил дьяконом в соборной церкви служить вместе с ним. Он все службы церковные с подобающим смирением изучал и исполнял прилежно и с благоговением. Видит, как отец его делает, так и он старается выполнять. Хоть он и был молод, а многие из братии, видя его смирение и терпение, подражали ему, говоря: «Блажен брат этот, если сподобился быть учеником такого подвижника». И вскоре это подтвердилось милостию Божиею, молитвами и учением преподобного Кирилла.

Одни любили Мартиниана и молили Бога о нем, другие, подстрекаемые завистью, осуждали его (часто у людей встречается этот недостаток). Он все терпел, наученный святым все претерпевать ради Бога, и только на праведных смотрел и у них учился. Одинаково ко всем относясь и одинаково всех почитая, со смирением и любовью всем покорялся блаженный и с любовью всем отвечал.

Что же после этого? Как все люди подвластны общему суду Божиему, так и святой Кирилл преставился по воле Божией и отошел ко Господу Богу в вечный покой, усердно послужив ему и желаемое получив от Господа Бога, спасителя душ. Блаженный Мартиниан, достойно проводив отца своего и помолвившись Богу, благодарил Его и Пречистую Богоматерь за то, что получил желаемое от Бога благодаря испытанию, наложенному старцем. Хоть был он преисполнен жалостью к доброму отцу и учителю, оставляя и провожая ко гробу святые и честные его мощи, но с еще большим рвением стал служить в монастыре. Призывая и поминая в молитвах святого отца, как на бумаге начертанную, хранил в сердце своем праведную его жизнь. И как по лестнице поднимался он все выше.

Прожил он немалое время в этом монасты-

ре. Однажды пришла ему мысль основать свою обитель и там безмолвствовать. Помолвившись Богу и Пречистой Его Богоматери, благословясь у гроба преподобного Кирилла, он ушел в далекий безлюдный край, примерно за сто поприщ, называемый Вожь-озеро. На озере том есть большой остров, очень удобное место для уединения от мирских людей. Там блаженный Мартиниан и стал жить, пустынно и безмолвно.

Прошло немного времени, и пришли к нему монахи и стали просить, чтобы Мартиниан построил церковь. Он их послушался, очень уж они умоляли его. И поставили церковь во имя Преображения Господа нашего и Спаса Иисуса Христа и, по обычаю освятив, украсили храм иконами и книгами, как подобает церковному чину, и пение в нем установили, как положено безмолвствующим инокам. Храм и до сего дня стоит во славу Божию.

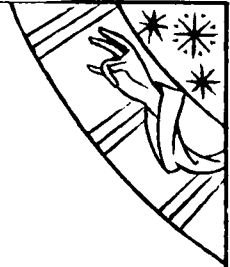
И захотел однажды блаженный пойти помолиться Пречистой Богородице в Феррапонтов монастырь. Игумен и братия стали звать его, чтобы он жил с ними. Мартиниан, видя их веру и истинную любовь, сказал: «Если Господь Бог изволит и Пречистая Богородица не оттолкнет меня, грешного, то я буду жить с вами. Что Бог даст — увидим». И ушел в свою пустынь, и прожил там еще некоторое время.

Стала к нему собираться братия. По-разному ведь начинают люди, но Бог все знает и приводит к полезному. Блаженный, видя их прилежание, оставил их тут монашествовать и сказал: «Как сами захотели»³. Заповедав им заботиться о церкви, помолвившись Спасу и Пречистой Богородице, ушел в Феррапонтов монастырь. Игумен и братия приняли его с великой честью и очень радовались: обещал прийти к ним, так и сделал с великой любовью. Блаженный Мартиниан стал с усердием и прилежанием трудиться с ними, ведь он хорошо знал службу и монашеский устав. Всем его облик был хорош. И братия полюбила святого, как своего, истинно заботящегося об их доме.

Вскоре волею Божией игумен того монастыря оставил игуменство. Братия недоумевала, что делать. Стали просить Мартиниана, чтобы он стал игуменом. Он со смирением сказал: «Недостойн я этого, и дело это выше моих сил, ведь всякая власть великую беду душе наносит. Я человек грубый и немощный», — отказался. Братия через некоторое время, вновь собравшись, с любовью начала умолять святого принять игуменство и с трудом упростила. И нарекли его игуменом Пречистой Богородицы Феррапонтова монастыря.

СѢТЫЙ ПРП

МАРТИНІАНЪ
БЕЛОЗЕРСКІЙ

И пошли о нем бить челом князю Михаилу Андреевичу и его родственникам, поскольку это была их вотчина и они благоволили Ферапонтову монастырю, как и отец их, князь Андрей Дмитриевич. Они по милости Божией возлюбили блаженного Мартиниана, так как и прежде его хорошо знали и в тот же час поставили его игуменом Ферапонтова монастыря, обещая заботиться об обители. Дав о том грамоту, одарив его, отпустили в монастырь Пречистой Богородицы. Некоторые говорят, что будто бы сам князь Андрей поставил Мартиниана игуменом Ферапонтова монастыря. Мы же об этом не спорим, потому что одинаковая власть у отца и у сына его, князя Михайлы.

Блаженный Мартиниан, вернувшись в монастырь, стал с еще большим рвением подвизаться, труды к трудам прилагая через пост и молитву и воздержание, как научен был преподобным Кириллом. И говорил себе: «Если кому дано будет много, много и взыщется с него»⁴. И стал заботиться о монастыре еще больше и о церкви Божией, и келейном управлении, и о соблюдении трапез. Он все устроил по Кириллову уставу: «Общежитие, также и ядение, незавидное и благочинное, всем одинаковое, смиренное и молчаливое».

Услышав про добродетельную и ангелоподобную жизнь этого блаженного мужа, о котором наше слово, многие стали собираться, как пчелы, почуяв цвет медовый: одни ради пользы, другие хотели жить с ним, мирские же приходили и умоляли святого помочь им сподобиться ангельского образа. А блаженный, поразмыслив, принимал долго просящих его и постригал в иноки, давая им суровое испытание, как и сам был научен добродетельному делу.

Много добра сделал тому монастырю блаженный Мартиниан: увеличил и укрепил его во славу Божию. И ныне доброе и блаженное начало его другим спасающимся передалось: Богу жертва приносится, ведь никакое другое приношение так не любит Бог, как прилежание и заботу о спасающихся. Узнав об этом, князь Михайло Андреевич и родственники его, вотчинники этому месту, благодарили Бога и Пречистую Его Богоматерь. Как земля плодородная радовались они, часто посылая дары и грамоты с печатями, давая земли вотчинные в дом Пречистой Богородицы. Да продлятся в наши дни милости их во славу Божию! Немало времени прожил в монастыре том ревностный подвижник игумен Мартиниан, более двадцати лет, моля Бога день и ночь и Пречистую Богоматерь.

Что же дальше? Случилось так, что великий

князь всея Руси Василий Васильевич поехал помолиться Живоначальной Троице в Сергиев монастырь. Позавидовав его великокняжеству, как некий Каин-братоубийца, князь Дмитрий Шемяка собрался со многими людьми, поймал великого князя и поступил с ним немилосердно: привел его в Москву со своими близкими помощниками, на третий день выколол очи его и, увыв мне, света сего лишив, сослал в Углич с великой княгиней и с детьми⁵. Мать же его, великую княгиню Софью, в Чухлому сослал. Сам же пришел и сел в Москве на великокняжеском престоле самовольно, и никто не противился ему. Об этом пророк говорит духом святым: «Если не Господь созидает дом — напрасно трудятся строители»⁶.

Прогневался Бог на того князя Дмитрия Шемяку и отвернул лицо Свое Святое. И был князь в большом смятении и страхе великом из-за проступка своего: из-за измены великому князю Василию Васильевичу в крестном целовании. Принуждаемый многими святителями Московскими и своими близкими советниками, поехал он с владыками, князьями и боярами в Углич, к великому князю Василию Темному. Выпустил его и великую княгиню Марию и детей их да бил челом и, помирившись с ним, отпустил в Вологду, в дальние страны от Московского царства. И дал те земли в вотчину и ему, и его великой княгине, и детям.

О беды и неправды! Что сотворил над родственником своим ближним! Такому великому господину и самодержавцу Русской земли и только один город дал в управление! А ведь прежде ему мало было всей Русской земли! Но Господь не захотел и не позволил этому случиться, ибо милостив Он к кротким и смиренным сердцем, им же дает царство и власть. И ему дал. Послав ему на помощь не только православных людей, витязей и бояр, но из иных многих стран бесчисленное воинство: даже враги душам нашим, варвары, называемые татары, из Черкас пришли с двумя царевичами на помощь к великому князю Василию Васильевичу Темному.

Но если не поверишь, я тебе истинного свидетеля представлю: возьми Книгу Летописную Русской земли, там и найдешь дополнения к моему рассказу. Нельзя, нельзя самодержцу Русской Великой земли в такой дальней пустыни быть заточенному, да еще с детьми, благородными великими князьями!

Великий князь Василий Васильевич, видя милосердие Божие и помощь Пречистой Богородицы и великих чудотворцев, приобрел уверенность и, исполнившись радости, всех к себе призвал и укрепил словом Божиим. И увидел

около себя бесчисленное множество готового к бою войска и многие слезы, изливающиеся о невзгоде господина своего, отряс уныние печали своей. Как орел некий почувствовал быстроту крыльев своих, так и он стольким народом обогатился внезапно!

Помолившись Богу и Пречистой Богородице, с великой княгиней и с детьми своими и со многими бесчисленными воинами, послал в тот же час за великим князем тверским Борисом Александровичем, чтобы шел он к нему на помощь против князя Дмитрия Шемяки. Тот же отвечал его посланнику: «Если возьмет дочь мою за сына своего, великого князя Ивана, то я готов идти на помощь против недруга его». Посланник же, возвратившись к великому князю Василию, господину своему, рассказывает все, что слышал от великого князя Тверского.

Великий князь Василий Васильевич Темный, дав ему слово, послал своего сына для обручения, и договорились между собой. После этого князь Василий пошел из Вологды помолиться Пречистой Богородице в Кириллов монастырь. Также и в Ферапонтов пришел со всеми воинами своими тамошнюю братию накормить и благословиться от них. Встретил его игумен Мартиниан со всей братией у монастыря с великой честью и радостью и благословил его честным и животворящим крестом, отслужил молебен и пригласил на трапезу, успокоил его и утешил, благословил и велел идти на супостата, который причинил ему такое зло. Ведь знают все, что не Божьей волей сел на великом княжении князь Дмитрий Шемяка, но надеясь на гордыню свою, смущен был врагом рода человеческого ум его. Великий князь Василий Васильевич взял благословение от святого и, выслушав слова душеполезные, полюбил его и сказал: «Отче Мартиниане, если будет ко мне Божие милосердие и заступничество Пресвятой Богородицы и великих чудотворцев и твоими молитвами сяду на престоле своем, на великом княжении, если даст Бог, о монастыре твоём позабочусь и тебя устрою близ себя». Так оно и случилось.

Одарив монастырь Пресвятой Богородицы как мог, взяв благословение святого, вскоре пошел со всем воинством на недруга своего и, встретившись с тверским великим князем, двинулись они вместе на Шемяку. А князь Дмитрий Шемяка со своим воинством против них на Волоке стоит. И уже многие люди от него перебежали к великому князю Василию Темному. Он же, услышав со страхом об их приходе, со срамом и стыдом убежал из Москвы в Галич, а оттуда — в Новгород Великий. Там, говорят о нем некоторые, был отравлен поваром

своим и умер, познав бесславную смерть. А положен был в Юрьеве монастыре.

Великий князь Василий, как и прежде говорилось, пришел в Москву со многими людьми, сел на своем великом княжении, а великого князя Тверского, одарив, с великой честью отпустил в свое отечество. В 1452 году он женил сына своего, великого князя Ивана, на дочери великого князя Бориса Марии. И на этом о них закончим.

В то время у Живоначальной Троицы в Сергиеве монастыре преставился игумен, пятый после Сергия-чудотворца. Великий князь, вспомнив свой обет преподобному Мартиниану, в тот же час послал за ним на Белое озеро, в Ферапонтов монастырь. Мартиниан не хотел ехать, но его упросили и привезли в Москву, и поставил его великий князь игуменом Живоначальной Троицы в Сергиеве монастыре. А на его место в Ферапонтове поставил игумена их же постриженника, по имени Филофей. После этого он, говорят, тридцать лет был владыкой Великой Перми и Вологды.

Что же подробно писать или говорить о преподобном Мартиниане? И там, у Живоначальной Троицы, он много послужил и много потрудился. Был он духовным отцом великому князю Василию, и очень любил его князь и честь оказывал. Нельзя предать забвению и такую историю. Вот что случилось с блаженным Мартинианом.

Один боярин уехал от великого князя Василия Темного к Тверскому великому князю. Князь Василий очень горевал об этом и не знал, что делать, как возвратить его назад, ведь тот был ему ближайшим советником. Послал он с просьбой к преподобному Мартиниану в Сергиев монастырь, чтобы возвратил боярина, обещая приблизить к себе и наградить. Святой же, надеясь на духовное сыновство, послушался и возвратил беглеца. Великий князь, в ярости не удержавшись от гнева, повелел заковать виновного. Родные боярина известили преподобного Мартиниана. Услышав про обман, святой оскорбился и опечалился. Сел на коня и поехал к великому князю. Приехав, сначала помолился святым церквам. И неожиданно вошел в княжеские палаты, хотя никто и не думал о его приходе. Постучался в двери. Придверники не доложили о нем великому князю. Тот вскоре велел пустить его к себе. Блаженный, войдя и помолившись Богу, сказал: «Так ли ты, самодержавный князь, праведно научился судить? Почто душу мою грешную продал и послал в ад? Почто боярина, душою моею призванного, повелел заковать и слово свое нарушил? Не будет моего благословения ни на тебе, ни на твоём

великом княжении!» И в гневе быстро вышел из палат. Сев на коня, возвратился к Троице в Сергиев монастырь, не задержавшись в Москве.

Посмотрите, Господа ради, как мудр и рассудителен этот муж! Не побоялся ни величества, ни казни, ни заточения, ни лишения имущества и власти! Пошел, чтобы обличить, но не только обличил, но и запрет наложил!

Что же государь тот чудный? Поистине, имея великую премудрость, рассудительность и смиренномудрие, побоявшись суда Божьего, князь подумал: «И я человек, и я судим Богом. Правда всегда обнаружится. Хоть и царскую власть я принял и могу судить самовластно, но перед очами Бога весь наг и обнажен: ведь Он судит и царя, как и простого человека». И осознав, что он не прав, не прогневался, не возмутился, а подумал: «Винovat я перед Богом, согрешил, нарушил слово свое». Вскоре пришли к нему бояре. Он же сказал, будто гневаясь: «Бояре, посмотрите на этого чернеца болотного! Что сделал! Прийдя ко мне, напрасно обличил и Божие благословение снял, и без великого княжения меня оставил!» Бояре недоумевали, что и отвечать. Тогда он и говорит им: «Я, братья, виноват перед Богом и перед чернецом тем, что забыл слово свое и причинил зло. Пойдем к Живоначальной Троице, та нас рассудит! И к преподобному Сергию, и к игумену тому, помолимся вместе, прощение, может, и получим». А с боярина в тот же час опалу снял, и вотчину ему дал, и приблизил к себе, и жалованье дал.

Вскоре поехал с боярами к Живоначальной Троице в Сергиев монастырь. Игумен Мартиниан, узнав о княжеском приходе, с радостью встретил его у монастыря со всей братией. И благодарил Бога, видя доброе обращение князя, великое смирение и покаяние его перед Богом. Дивный же самодержец, великий князь Василий Васильевич, не помянул гнева, не возмутился и не досадовал. Быстро подойдя, пал на колени у Живоначальной Троицы, приняв прощение покаянием своим, и со смирением помолился у гроба чудотворца Сергия. У игумена же Мартиниана прощение испросил и взял благословение, а Мартиниан сам свято просил у князя прощение о дерзновении своем. Истинный христоролюбец князь Василий, отслужив молебен, накормив братию и монастырь одарив, ушел в радости на стол свой в славный град Москву благословен и прощен навеки.

Видите, господа, праведное смирение боголюбца великого князя, рассудительное и безгневное! Кто не удивится и кто не ублажит, и не прославит, видя такого праведного и смиренного царя?! Поистине и вправду говорят

о нем некоторые из древних: «Великую от Бога милость и награду получил государь тот. Много пострадал и много претерпел бед в плену и в сражениях, с неверными царями и в междоусобицах. Хоть и наказание от Бога принял, но был благодарен Ему и храбр, и верою многою утвержден к Богу». Как в Писании сказано: «Если кого любит Бог, того и наказывает. Бьет сына своего, его же и ласкает»⁷.

Мы же вновь вернемся к повествованию о преподобном Мартиниане. После того случая святой прожил еще немало времени. Государь же тот, великий князь, полюбил блаженного Мартиниана и не только не оскорблял его, но всем слушался и почитал. И много лет он царствовал в Москве, многих великих князей породил и уделами наделил, и многих великих воевод, князей и бояр к себе привлек любовью и милосердием, и много добра принес русской земле милостью и щедротами Живоначальной Троицы и молением Пречистой Богородицы и великих чудотворцев русской земли. Старшего же своего сына, великого князя Изана, при своей жизни еще сделал своим наследником, благословил и передал ему скипетр Русской державы. И на этом закончим о них.

С большим усердием и старанием многими трудами и подвигами послужил Мартиниан игуменом Живоначальной Троицы в Сергиевом монастыре, пася стадо Христово словесных овец. Когда прожил там восемь лет, то стал задумываться о жизни своей, потому что и старость уже начала подходить и многие недуги приближаться стали, и от подвигов, и от переживаний многих бед, приходящих из царствующего града, и от монастырского нахождения. Вот поэтому святой захотел игуменство оставить. Братия же умоляла его, говоря: «Потерпи, отче, Господа ради, и еще на месте этом, заботясь о стаде Живоначальной Троицы и достоянии преподобного Сергия». Он же, выслушав их ради любви, потому что вспоминал блаженный и всегда держал в уме слова учителя своего, преподобного отца Кирилла, чудотворца, о том, что «подобает иноку молчание и нестяжание хранить и избегать вредных для души помыслов». Немало праведный скорбел и об обители Пречистой Ферапонтова монастыря. «Начал там игуменить, и ничем не помогаю им», — говорил. И много думал блаженный о том, как бы им помочь. «Потому что не совсем еще место то всем необходимым удовлетворено», — говорил. И как копьем колола его совесть, что он не позаботился об обители той.

Что же было потом? Созвав всю братию, Богом избранное стадо, блаженный произнес

последнее поучение, как обычно. Сдав монастырское хозяйство, вошел в соборную церковь, помолился у Живоначальной Троицы и у гроба преподобного Сергия, поцеловал мощи его и отдал обет своего послушания. Перецеловавшись с братиею всею и дав благословение и последнее прощение, а также и у них взяв, оставил стадо на великого пастыря Христа. И пошел в страны Белозерские миром храним.

Когда же блаженный пришел в наследство свое, обитель Пречистой Богородицы, Ферапонтов монастырь, игумен и вся братия, узнав об этом, с великой радостью встретили святого и приняли его как отца истинного. С великим усердием и честно упокоили они старость его, но об этом речь впереди. Он же всех любезно целовал, дарами и благословением одарил. И была радость великая для братии, что вернулся святой. И устроили праздник в честь его возвращения. Игумен же, как отец, передал ему игуменство и отступил от места своего и попечение все с Богом возложил на него, как на пастыря великого, и назвал его кормчим и наставником душ ко спасению.

Вскоре игумен и вся братия стала умолять святого, чтобы он взял заботу об обители Пречистой Богородицы. Блаженный, видя их веру и расположенность к нему, отвечал им со смирением: «Я, братие и отцы, недостойн такое попечение взять на себя. Ведь потому и ушел из обители Сергиева монастыря, чтобы плакаться о грехах своих, покой обрести и безмолвие на старости лет». Игумен и братия упрашивали его. Блаженный отвечал им с умилением: «Если Господь Бог и Пречистая Его Богоматерь и любовь ваша позволит, то я ради послушания готов умереть в обители Пречистой за брата моего и господина, блаженного Ферапонта». Игумен же и братия пали на колени и поклонились ему, благодаря, что послушал их и согласился заботиться о монастыре. И так блаженный потрудился и подвиги явил в старости, что все удивлялись прилежанию его и усердию. Как от сокровища черпал из недр своих — то из устава Кириллова монастыря, то из устава Живоначальной Троицы Сергиева монастыря. Как купец или победитель, вернувшись из дальних земель, приносит сокровища по Апостолу, Ветхому и Новому Заветам⁸, насыщал он и передавал душам жаждущих и желающих питаться от духовной трапезы.

Все бывало: игумен и братия обители той, как к некоему кладезю неисчерпаемому приходили за полезными советами, словно покупая бисер многоценный, который есть Христос⁹. Также и о телесных заботах советы и указания о нуждах монастырских — все получали от

преподобного Мартиниана до последних дней его жизни и отшествия к Богу души его.

Знаю и верного свидетеля праведной жизни преподобного и блаженного отца Мартиниана. Это священноинок Святой горы Пахомий Серб¹⁰, творец житиям преподобных Сергия и Кирилла, так писавший: «Когда я пришел в обитель святого Кирилла, то встретил там настоятеля того монастыря, по имени Кассиан, достойного зваться игуменом, мужа, за многие годы в постнических трудах состарившегося. Он мне много рассказывал, что написать о святом Кирилле, потому что большую веру имел святому и своими глазами видел блаженного и о многих чудесах, сотворенных им, рассказывал. Нашел я там и многих других учеников его, как столпов непоколебимых, пребывающих в истине, много лет проживших со святым, в посте и молитвах и в бдениях безмолвствуя. Видя, как отец их подвизался, так и они старались исполнять. Видя праведный образ их жития, расспросил я их о святом, хотя уже было написано о добродетелях Кирилла. Начали они рассказывать о жизни блаженного и о чудесах, творимых им, — эти, и другие, подобные, и по частям были поведаны деяния святого». А как встретил Пахомий блаженного Мартиниана, то записал: «Я слышал от достовернейшего очевидца жизни преподобного Кирилла, от самого ученика Кирилла по имени Мартиниан, бывшего игумена тезоименитого монастыря, Сергиевым называемого, с малых лет жившего со святым и много знавшего о нем. Он все по порядку рассказывал о преподобном, и со его слов я стал писать о жизни преподобного. Отцом ему был Кирилл. Видя, что Мартиниан был искренним его учеником, очень верил Богу и исполнен желания стать добродетельным, святой не пренебрег им, ничего не скрыл, но как чадолюбивый отец все поведал и открыл сыну своему». Рассказавший это Пахомий, приехав и встретив блаженного Мартиниана, получил правдивые сведения и поделился с нами.

Мы же вернемся к повествованию о приснопамятном отце Мартиниане. Не приукрашивая говорю и не ради похвалы: не нуждаются святые ни в наших похвалах, ни в словесных украшениях, потому что недостаточны им небесной красоты и наслаждения пребывать с Богом и лицезреть Его. Как пророк говорит: «Похвала праведнику от Господа бывает и строение его от Вышнего»¹¹.

Знаю я, что многие отцы и братья, ученики его, были прозорливы, многие Божьей благодати исполнены и райской пищи сподобились. И вот что я расскажу об их жизни, чтобы ты поверил. Один брат, ученик блаженного Мар-

тиниана по имени Галактион, носивший его из-за старости и многих недугов на соборное пение, пришел однажды с братией в новую трапезную. Братия же стала хвалить ее, что мол, хороша и очень красива. Он же, будто юродивый, так сказал: «Хороша, хороша, да недолговечна». Они же не придали этому значения, ведь считали его юродивым. А он оказался мудрым! На другой день загорелась келья одного брата, а огонь охватил и другие кельи. И ничего нельзя было спасти из них. Иоасаф, бывший владыка ростовской земли, стал горевать о какой-то вещи, отложенной для монастырского строения. Юродивый же, подойдя, начал ему пенять, говоря: «Что делаешь, отче? Бога прогневишь, скорбя». А он ему: «Я, брат, не ради себя удержал, а ради нужды монастырской». Галактион сказал: «Коли так говоришь, то где, в каком месте лежит сокровище это?» Он же указал ему место в келье. Блаженный юродивый отошел, устремился к келье и вытащил сокровище. Принес, поставил его перед владыкой Иоасафом, говоря: «Вот, не тужи, о худом деле скорбишь». Братия удивилась и прославила Бога о непостыдном дерзновении брата. А те кельи охватил огонь, и трапезную тоже уничтожил до основания. Люди сбежались быстро и начали звонницу рубить, чтобы не сгорели колокола. Он же, приснопамятный, прибежал, оттолкнул людей, говоря: «Этому не гореть», — встал у звонницы. Огонь же совсем не коснулся ни его, ни одного строения вокруг него. И сбылось пророчество брата Галактиона, поистине дивного.

Все службы исполнял он с братией весьма старательно, покоя телесного особенно не требовал, а на соборном пении дольше всех находился. Увидев это и рассудив, блаженный Мартиниан благословил его на чудное и блаженное дело.

Предвидел он свое преставление за много дней. Пришел его навестить один брат, собеседник преподобного, постриженник Симона монастыря (он просфоры пек). И начал скорбеть о том, что заболел блаженный. А тот ему отвечал: «Не скорби, брат, обо мне. Я хочу от вас уйти, в восьмой же день и ты уйдешь за мной». Брат Савва (таково было имя его), недоумевая, передал братии эти слова. И преставился блаженный к Богу. Разболелся и брат Савва, а на восьмой день отошла его душа от тела, как и пророчествовал юродивый тот блаженный.

И много иных знаю чудес. Поведал мне другой брат, ныне старец, бывший игуменом более тридцати лет. «Впал, — говорит, — я однажды в уныние, хотел уйти из обители Пре-

чистой. Учитель же мой сел на пороге кельи и говорит мне: «Что это ты, брат, задумал? Врага слушаешь, не можешь избежать его козней. Если нас оставишь, от тех же сетей и лукавства нигде не сможешь уйти». Я же, слушая старца, удивился прозорливости его, потому что все мои сердечные помыслы перед лицом моим явил. Знаю пророчества и других братьев, да время велит мне сократить. Об этом мы рассказывать закончим и вернемся к нашему повествованию.

Блаженный же Мартиниан, как говорилось, хорошо послужил Богу. Видит он, что старость уже стала приближаться да частые недуги одолевают. Ничего не ожидал, кроме смерти и последнего часа. Но имея усердие, веру и желание неуклонно служить Богу, до самых последних дней не отступал от соборного пения, о келейном правиле что и говорить! Также и постился, наученный отцом своим, преподобным Кириллом. На соборное пение братиею был возим, а иногда его под руки поддерживали из-за старости и немощи многой.

Слышу, некоторые говорят с презрением: «Святитель немощен — не живет, потому что сокрушен». А не святым ли называете Афанасия Афонского¹², убитого в церкви и смерть победную принявшего, или Симеона Столпника¹³, одну ногу имеющего, а другую, червями съеденную? Много у тех святых великих телесных повреждений найдешь, душевная же их крепость тверже любого железа и камня. Кто может Господнюю судьбу предвидеть? Все святые в трудах и болезнях жизнь свою окончили. В Писании святых Отцов говорится: «По мере добродетели Бог каждому воздает и дарования».

Но об этом довольно. Видит блаженный, что совсем изнемог от старости и к концу приближается, призывает к себе всех, с кем служил Богу в этой обители. И перед всеми игумену завещает предание и чин обители той хранить, и чтобы никто чин и устав монастырский не нарушал. «Как нами, — говорил, — заведено в обители, свидетели тому Бог и Пречистая Богородица, и как видите у нас, отцы и братия, так и творите. Да будет с вами Божия любовь и милость Пресвятой Богородицы». Благословение и прощение преподав игумену и братии, также и у них взяв, последнее целование Пречистого Тела и честной Крови Христа, Бога нашего, совершив, в последние дни причастился. Жил в чернечестве более семидесяти лет преподобный и преблаженный отец наш Мартиниан. И преставился к Богу он в воскресенье, в год 1483, 12 января, в старости глубокой в совершенном образе. И ушел к отцам своим в жизнь вечную.

Игумен и братья собрались с плачем, обещали мощи святого и погребли у большой церкви Пречистой Богородицы, на правой стороне алтаря. И сотворили память ему честно. Да не соблазнятся некоторые, говорящие так: «Почему великий святитель Макарий, митрополит Русской земли, в грамотах, посланных по городам и великим монастырям от имени царя Всея руси, великого князя Иоанна Васильевича, указал петь и праздновать память Святых Отцов по всем церквам великой России, избранных на Соборе в год 1547, а этих, Ферапонта и Мартиниана, оставил?»¹⁴ Но не из-за пренебрежения святой митрополит поступил так, а просто случилось вот что.

Когда много дней спустя после Собора игумен той обители приехал и привез с собой Жития святых Ферапонта и Мартиниана, чтобы просить повеления и благословения Господского, то отдал их в руки святителя. Великий же, рассмотрев их, повелел снова Собору быть и собраться всем святителям первого Собора: Алексею, архиепископу Ростовскому, да Ионе епископу Суздальскому, да Ионе же, епископу Рязанскому, да Акакию, епископу Тверскому, да Феодосию, епископу Коломенскому, да Савве, епископу Сарскому, да Киприану, епископу Пермскому, и с честными архиманд-

ритами, и с честными игуменами великих монастырей, и старцам избранным, и всему священному Собору. И, взяв книги те, велел прочитать ему Жития святых и чудеса их. И решили всем тем Собором, что правильно будет праздновать память тех святых. Он благословил и повелел игумену той обители петь и праздновать память святых отцов с предреченными святыми преподобными Ферапонтом и Мартинианом и жития их читать на Соборе во славу Отца и Сына и Святого Духа Вседержителя Бога.

Но пусть не говорят некоторые, думающие: «Повелел святой митрополит в одной церкви только той обители праздновать память святых». Смотри и запомни: святые книги пишут: «Одно стадо — и один пастырь, Христос. У одной церкви — одна вера. Дал одной церкви — и иным дал, не дал — и никакой не дал»¹⁵.

Святой митрополит сделал хорошо и полезно, что повелел праздновать память святых отцов и благословил, как будто утварь царскую церкви Божией придал. Мы же, помяная блаженных отцов и добрые их предания, говорим: «О преблаженные отцы, Ферапонт и Мартиниан! Смотрите за нами и заботьтесь потечески!»